

[http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/ 66956.html](http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/66956.html) (дата обращения 28 апреля 2013 года).

⁸ См.: В Госдуму внесены поправки в АПК, ГПК, УПК и КоАП о внепроцессуальных обращениях к судьям. [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.ru/news/view/84003/> (дата обращения 26 апреля 2013 года).

⁹ См.: Идея главы ВАС РФ о прослушивании телефонов судей получила развитие. [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.ru/news/view/76245/> (дата обращения 28 апреля 2013 года).

¹⁰ См.: Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А.Иванова на VIII Всероссийском съезде судей // Судья. 2013. № 1.

¹¹ См.: там же.

¹² Там же.

*А.В. Юдин**

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ» В ЦИВИЛИСТИКЕ И В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ», «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ» И «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОВЕРИЕМ»)**

Категория «злоупотребление правом» имеет достаточно универсальный характер и применяется в самых различных отраслях права. В научных исследованиях и актах правоприменительных органов можно встретить указание на злоупотребление гражданским правом, злоупотребление правом налогоплательщика, злоупотребление избирательными правами и т.д. Конструкция «злоупотребле-

* © Юдин А.В., 2013.

Юдин Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского государственного университета.

** Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-13-63001.

ние правом» исследуется также общей теорией права и авторы, работающие в этой сфере, наряду с выделением общетеоретических положений, рассматривают виды злоупотреблений в самых разных сферах – злоупотребление властью, свободой совести и вероисповедания, свободой массовой информации и др.¹

С учетом отраслевой специфики, различные виды злоупотреблений правом достаточно сильно разнятся между собою, однако все «злоупотребления» имеют и общие черты, которые и позволяют относить их к одной группе правовых явлений.

Актуальным представляется анализ категории «злоупотребление правом» в таких полярных отраслях права, как гражданское право и уголовное право. Их полярность (для целей настоящей статьи) предопределена тем, что первое основывается на диспозитивном методе правового регулирования, тогда как второе на методе запрета. По верному замечанию В.И. Емельянова, «недостатком большинства работ, посвященных злоупотреблению гражданскими правами, было то, что их авторы пытались найти решение, не выходя за рамки гражданско-правовой теории. Тем самым они значительно ограничивали свои возможности, так как сущность юридического запрета крайне сложно выявить без обращения к «чистой» теории ответственности, какой является наука уголовного права»².

Возникает вопрос: однородные (тождественные) или различные правовые явления законодатель обозначает путем указания на «злоупотребление правом» при моделировании гражданско-правовых и уголовно-правовых норм? В каком соотношении между собой пребывают «злоупотребление правом», «злоупотребление полномочиями», «злоупотребление доверием», а равно производные от этих понятий категории, расширяющие и раскрывающие их смысл – «недобросовестность» и некоторые другие?

Логика сопоставления «гражданских» и «уголовных злоупотреблений», прежде всего, должна строиться на том, чтобы: а) обнаружить формы «гражданских злоупотреблений», определяемых в качестве «злоупотреблений» правом уголовным; б) обнаружить формы «уголовных злоупотреблений», определяемых в качестве «злоупотреблений» правом гражданским.

Разумеется, речь идет об обнаружении смыслового тождества перечисленных категорий. В уголовном праве затруднительно

отыскать, например, установление преступности поведения, которое может быть квалифицировано в качестве злоупотребления правом с точки зрения гражданско-правовых норм, равно как и бессодержательна попытка усмотреть в некоем составе преступления признаки злоупотребления субъективным гражданским правом. Вместе с тем, опережая изложение, заметим, что и такая постановка вопроса имеет право на существование по отношению к отдельному сегменту форм поведения – при определенных условиях некоторые действия лица можно расценить одновременно как злоупотребление с точки зрения гражданско-правовых и уголовно-правовых норм.

Реформирование гражданского законодательства, предпринятое в последние годы, а также ряд правовых позиций, выраженных в постановлении Пленума ВАС РФ и в прецедентных постановлениях Президиума ВАС РФ по конкретным делам, позволяют утверждать, что категория «злоупотребление правом», вопреки мнению авторов отрицающих данное явление, и полагающих, будто бы любое ненадлежащее осуществление права можно запретить законом, получает все более широкое и все более универсальное применение. С категорией «злоупотребление правом» тесно связано понятие «недобросовестности». Часть 1 ст. 10 ГК РФ запрещает осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Эти взаимосвязанные понятия употребляются законодателем для обозначения самых различных ситуаций, в т.ч. тех, которые к «злоупотреблению правом» в «классическом» понимании и не относятся (это, в частности, оценка добросовестности приобретения имущества для целей допущения возможности виндикации вещи от недобросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ)).

Наиболее рельефно в уголовно-правовом регулировании конструкция «злоупотребления» используется при описании состава мошенничества (ст. 159 УК РФ), причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), однако и в других составах можно усмотреть проявление того, что может быть причислено к злоупотреблению правом.

Сопоставляя разноотраслевые формы злоупотреблений, можно отметить следующее.

1. В гражданском и в уголовном праве различные формы злоупотреблений моделируются с помощью такого признака как «обман». Его содержательное значение в гражданском и в уголовном праве оказывается примерно схожим.

Так, в гражданском праве признак «обмана» используется при описании состава недействительности сделки по соответствующему основанию: «сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Обманом считается также намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота» (п. 2 ст. 179 ГК РФ). Из приведенной диспозиции видно, что поведение лица, прибегнувшего к обману, определяется как не соответствующее должностному уровню добросовестности и оценка такого поведения как « злоупотребления» будет являться верной.

В уголовном праве признак «обмана» используется при описании мошенничества (хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием – ч. 1 ст. 159 УК РФ), а также при описании состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ («Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»). В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³ под обманом предложено понимать сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо умолчание об истинных фактах, либо умышленные действия, направленные на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение; «сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям».

Продемонстрированная общность признаков не создает проблем при квалификации поведения лица в рамках гражданских и в рамках уголовных правоотношений: участник сделки, допустивший обман, может быть привлечен к уголовной ответственности за мошенничество, а сделка может быть признана недействительной в гражданском процессе; равным образом, права потерпевшего могут

быть защищены путем удовлетворения гражданского иска в уголовном процессе либо путем применения реституционных последствий в процессе гражданском.

Некоторые гражданско-правовые и уголовно-правовые нормы конструируются непосредственно с использованием признака «обмана», другие – подразумевают его.

Так, в соответствии с п. 4 ст. 19 ГК РФ, «имя физического лица или его псевдоним могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также исключающими злоупотребление правом в других формах»; «попечители несовершеннолетних граждан оказывают подопечным содействие в осуществлении ими своих прав и исполнении обязанностей, а также охраняют их от злоупотреблений со стороны третьих лиц» (п. 2 ст. 33 ГК РФ). Смысл приведенных норм очевиден – предотвратить, в первом случае, возможный обман третьих лиц, заблуждающихся в отношении имени субъекта; во втором случае, возможный обман несовершеннолетних.

В статье 185 УК РФ под злоупотреблением при эмиссии ценных бумаг понимается «внесение в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации, утверждение либо подтверждение содержащего заведомо недостоверную информацию проспекта или отчета (уведомления) об итогах выпуска ценных бумаг». Фактически, речь здесь также о допущенном обмане.

2. В гражданском и в уголовном праве различные формы злоупотреблений определяются через «злоупотребление доверием». Признак «злоупотребления доверием» при мошенничестве определяется как использование «с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам... Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁴). Многим гражданским

правоотношениям присущ фидуциарный (доверительный) характер, что создает определенную почву для использования категории « злоупотребления доверием» при моделировании средств охраны таких отношений. Так, в ГК РФ установлено, что « безотзывная доверенность в любом случае может быть отменена после прекращения того обязательства, для исполнения или обеспечения исполнения которого она выдана, а также в любое время в случае злоупотребления представителем своими полномочиями, равно как и при возникновении обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что данное злоупотребление может произойти» (абз. 2 п. 1 ст. 188.1).

3. В гражданском и в уголовном праве при выработке «составов злоупотреблений» используется такой признак, как « злоупотребление полномочиями». Уголовно-правовое « злоупотребление полномочиями» применительно к различным субъектам определяется через использование своих полномочий вопреки законным интересам организации (ст. 201 УК РФ), вопреки задачам своей деятельности (ст. 202 УК РФ), вопреки интересам службы (ст. 285 УК РФ).

Субъекты гражданских правоотношений, как известно, не состоят в отношениях власти и подчинения, однако нельзя отрицать того, что в силу различных экономических, организационных и юридических факторов один участник правоотношения, основанного на юридическом равенстве, может оказаться в фактической зависимости от другого участника. В Информационном письме Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵ приводится следующий пример квалификации в качестве злоупотребления правом поведения, которое может быть расценено в качестве « злоупотребления полномочиями»:

«Муниципальное образование в лице комитета по управлению городским имуществом обратилось в арбитражный суд с иском к муниципальному бюджетному учреждению - детской музыкальной школе (далее - школа) - о взыскании задолженности по договору аренды нежилого помещения, а также о расторжении указанного договора и выселении ответчика из занимаемых помещений. Ответчик, признавая наличие задолженности, просил отказать в удовлетворении требований в части расторжения договора аренды и выселения, ссылаясь на социальную значимость школы, являющейся единственной в районе. Суд первой инстанции взыскал с ответчика

задолженность по арендной плате, в удовлетворении остальной части требований отказал.

Как следовало из материалов дела, школа, являясь муниципальным бюджетным учреждением, не была наделена собственником (муниципальным образованием) необходимыми для осуществления деятельности помещениями на праве оперативного управления. Такие помещения были предоставлены учреждению его собственником в пользование по договору аренды, при этом сумма арендной платы составляла значительную часть ежемесячной выручки, получаемой от проведения платных факультативных курсов. Данные о внесении платежей свидетельствовали о том, что они производились по мере накопления средств.

По мнению суда, расторжение договора аренды и выселение ответчика из помещений фактически означало бы ликвидацию учреждения его собственником вопреки порядку, установленному законодательством. При этом судом было установлено, что в районе отсутствуют иные специализированные свободные помещения, пригодные для организации учебно-репетиционного процесса, которые могли бы быть арендованы ответчиком на приемлемых условиях.

С учетом этих обстоятельств суд усмотрел в действиях истца злоупотребление правом на применение мер защиты, предусмотренных законом для случая нарушения обязательств арендатором, и в удовлетворении исковых требований в части расторжения договора аренды и выселения ответчика из помещений отказал, сославшись на пункты 1 и 2 статьи 10 ГК РФ. Суд принял во внимание неразумность действий истца, который, неся бремя обеспечения деятельности созданного им учреждения (что может выражаться в наделении ответчика необходимым имуществом на праве оперативного управления либо в выделении денежных средств, достаточных для оплаты пользования арендаемым имуществом) и отвечая в субсидиарном порядке по его обязательствам, основывает свои исковые требования на неисполнении учреждением этих обязательств».

4. Составы «гражданских» и «уголовных» злоупотреблений зачастую представляют однородные формы поведения, отличающиеся друг от друга только степенью своей вредоносности. Так, п. 1 ст. 10 ГК РФ устанавливает, что «не допускается использо-

вание гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке». Системное положение данной нормы свидетельствует о том, что она касается пределов осуществления гражданских прав. Наряду с этим, ст. 178 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за злоупотребление доминирующим положением на рынке. Вряд ли можно утверждать, что последствием «гражданского злоупотребления» является привлечение лица к уголовной ответственности, однако сложно не признать, что п. 1 ст. 10 ГК РФ в приведенной части содержит общие принципы противодействия нарушениям конкурентной среды и ст. 178 УК РФ служит проводником этого принципа для случаев существенного нарушения прав лиц. Наряду с уголовным законом, специальные меры ответственности за злоупотребление доминирующим положением на рынке, предусмотрены КоАП РФ и Федеральным законом от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции»⁶. Если поведение лица в сфере конкурентной борьбы нарушает уголовно-правовой запрет, норма-принцип, закрепленная в ГК РФ, не перестает применяться и нарушение уголовно-правового запрета является в тоже время нарушением гражданско-правовой нормы.

На основе выявленных форм «гражданских» и «уголовных злоупотреблений», соотношение указанных понятий в двух анализируемых отраслях права можно рассмотреть через обнаружение признаков, раскрывающих их общность и дифференциацию.

1. Гражданское и уголовное право стремятся противодействовать недобросовестному и «нечестному» поведению субъектов правоотношений. Вряд ли можно отрицать, что такая задача стоит перед любой отраслью права, однако ее наибольшая актуализация происходит в тех сферах правового регулирования, где законодатель сталкивается с формами нежелательного поведения, требующего решительной корректировки. Такова отрасль уголовного права, нацеленная на охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности (ч. 1 ст. 2 УК РФ), а также отрасль гражданского права, которая помимо позитивного регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, призвана противодействовать различного рода гражданским деликтам. ГК РФ прямо провозглашает, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1).

2. В гражданском и в уголовном праве общим для квалификации определенного поведения через категорию « злоупотребление» является то, что речь идет о поведении, которое внешне, формально опирается на некое принадлежащее лицу субъективное право (полномочие). Явление «злоупотребление правом» в каком-то смысле производно от самой категории «субъективное право», и свидетельствует о том, что речь идет о ненадлежащей право-реализации. При прочих условиях, если бы лицо не выходило за пределы осуществления принадлежащего ему права, его поведение было бы безупречным. Как указывается в литературе, «противоправное злоупотребление правом отличается от правонарушения в традиционно понимаемом смысле тем, что субъект в данном случае совершает противоправное деяние посредством реализации своего субъективного права (правомочия) и первоначальная стадия его деяния находится в рамках закона»⁷.

В п. 15 постановления Пленума от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»⁸ под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы (статья 285 УК РФ) судам предлагается понимать «совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями». Как отмечается в литературе, «злоупотребление должностными полномочиями опасно тем, что преступное деяние совершается при исполнении должностным лицом обязанностей непосредственно по службе»⁹. Таким образом, само деяние, квалифицируемое в качестве преступного, вытекает из компетенции конкретного должностного лица, однако властный субъект искажает содержание предоставленных ему полномочий, что позволяет квалифицировать соответствующее поведение в качестве преступного злоупотребления.

В отличие от этого, «обычные» правонарушения совершаются безотносительно к какому-либо праву, принадлежащему лицу, а

представляют собою неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей, лежащих на субъекте права.

3. Злоупотребление правом в гражданских и уголовных правоотношениях возможно только со стороны лица, наделенного соответствующим правом, т.е. со стороны правообладателя. Данный признак производен от предыдущего. Для злоупотреблений в гражданском и в уголовном праве характерно то, что ненадлежащее поведение происходит с опорой на некое имеющееся у лица право (полномочие). Так, в примечании к ст. 285 УК РФ законодатель подробно описывает, кто должен признаваться должностным лицом, лицом, занимающим государственную должности РФ, государственную должность субъектов Российской Федерации для целей квалификации их поведения по соответствующей статье УК РФ. На этом же акцентирует внимание и Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»: «судам при рассмотрении уголовных дел о злоупотреблении должностными полномочиями (статья 285 УК РФ) и о превышении должностных полномочий (статья 286 УК РФ) необходимо устанавливать, является ли подсудимый субъектом указанных преступлений - должностным лицом»¹⁰. Как известно, на практике этот вопрос вызывает определенные затруднения.

В гражданских правоотношениях для квалификации поведения субъекта в качестве злоупотребления также необходимо выяснить, наделено ли лицо соответствующим правом.

Все это подчеркивает верную идею законодателя – злоупотребить правом (полномочиями) может только тот, кто имеет право. Отсутствие субъективного права у лица делает злоупотребление невозможным, хотя и не исключает негативную юридическую оценку его поведения с точки зрения иных норм.

4. В гражданском и уголовном праве злоупотребление – это поведение, создающее видимость поведения правомерного. Лицо, формально действующее на основе принадлежащего ему права, претендует на получение тех благ, с которыми связывается обладание субъективным правом. Субъект пытается выстроить свое поведение таким образом, чтобы внешне оно походило на правомерное.

В уголовном праве иллюстрацией сказанного могут послужить нормы статей 174 и 174.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 28 июня 2013 г. №134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»¹¹), устанавливающие ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, под которой понимается совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заложено приобретенными другими лицами (ст. 174) или лицом (ст. 174.1) преступным путем, *в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению* указанными денежными средствами или иным имуществом.

Статья 173.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за образование (создание, реорганизацию) юридического лица через подставных лиц («под подставными лицами в настоящей статье понимаются лица, являющиеся учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, путем введения в заблуждение которых было образовано (создано, реорганизовано) юридическое лицо»).

Налицо и здесь придание видимости правомерности существования организации, направленное на то, чтобы вызвать у участников гражданского оборота убеждение в наличии полноценного субъекта гражданского права, учрежденного в установленном законом порядке и осуществляющего свои гражданские права через систему органов управления.

Не меньше примеров злоупотребления правом на основе создания видимости наличия неких фактов имеется и в цивилистике.

Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ). Лицо, которое знало или должно было знать об основаниях недействительности оспоримой сделки, после признания этой сделки недействительной не считается действовавшим добросовестно (абз. 2 п. 1 ст. 167 ГК РФ).

В гражданском праве осуждаемым признается поведение стороны условной сделки (ст. 157 ГК РФ), недобросовестно воспрепят-

ствовавшей наступлению условия, в случае если наступление условия ей невыгодно, либо недобросовестно содействовавшей наступлению условия в случае если наступление условий ей выгодно – при таких обстоятельствах условие признается, соответственно, наступившим или ненаступившим. Видимость наступления либо ненаступления условия здесь также чисто внешняя, поскольку за этим стоит недобросовестное поведение заинтересованного лица.

Если поведение субъекта злоупотребления не будет совершаться с видимой правомерностью, явная незаконность его поступков воспрепятствует достижению необходимой цели. Так, если мошенник попытается изъять денежные средства потерпевшего, не прикрываясь при этом каким-либо законным основанием, он не добьется своей цели; если сторона сделки, прибегнувшая к обману, в момент ее заключения раскроет свои планы, то такая сделка не будет совершена и т.д.

Несмотря на некоторую выявленную общность признаков, заметим, что полное отождествление «гражданских» и «уголовных злоупотреблений» невозможно, поскольку данные явления, наряду с общими чертами, имеют известные отличия.

1. Когда уголовный закон говорит о «злоупотреблении» либо в качестве одного из элементов объективной стороны преступного действия, либо в качестве обозначения такого действия в целом, речь всегда идет о поведении преступном; в гражданском праве – «злоупотребление» далеко не всегда признается даже гражданским деликтом. В уголовном праве применительно к «злоупотреблениям» нет никаких промежуточных состояний; любое злоупотребление – это правонарушение (преступление) уже по определению, за совершение которого лицо привлекается к уголовной ответственности.

В качестве общего последствия злоупотребления правом в ч. 2 ст. 10 ГК РФ назван отказ лицу в защите принадлежащего права полностью или частично, а также применение иных мер, предусмотренных законом. Лицо, чье право оказалось нарушенным в результате злоупотребления, вправе требовать возмещения причиненных этим убытков (п. 4 ст. 10 ГК РФ). Устойчивая практика ВАС РФ в последнее время склоняется к тому, что злоупотребление правом образует самостоятельное основания для признания сделки недействительной. Так, в постановлении Пленума ВАС РФ от 23

декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)»¹² разъяснено: «в то же время наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 и 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке» (абз. 4 п. 4). Не все из перечисленных последствий могут быть отнесены к формам гражданско-правовой ответственности.

2. В уголовном праве ответственность за злоупотребление может наступать только за точно описанный в уголовном законе состав преступления; в гражданском праве в качестве злоупотребления может быть квалифицирован достаточно обширный перечень форм поведения. В гражданском праве запрет злоупотребления правом – это общий принцип регулирования гражданских правоотношений¹³. Проявления данного принципа могут быть самыми различными. В уголовном праве «злоупотребление» тяготеет к конкретным, описанным в законе, формам поведения. Лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за злоупотребление «в принципе», т.к. далеко не всякое злоупотребление можно отнести к преступным. В связи с этим, в литературе можно встретить указание на то, что «меньше всего трудностей возникает при квалификации деяния как злоупотребления правом возникает в сфере уголовного права.... конкретные признаки состава преступления четко указаны в соответствующих статьях Уголовного кодекса РФ...»¹⁴. Характерно, что если в науке гражданского права «злоупотребление правом» выступало объектом самостоятельного научного изучения¹⁵, то «уголовное злоупотребление» изучается лишь в контексте анализа состава отдельного преступления или группы преступлений.

В связи с этим, можно предположить, что в уголовном праве конструкция «злоупотребление» используется для более точной смысловой и языковой передачи элементов объективной состава преступления, тогда как в гражданском праве – это обозначение особого рода правонарушений. В приведенных нормах УК РФ изъятие термина «злоупотребление» с заменой его другим термином,

близким по смыслу, может и не привести к какому-либо значитель-ному смысловому изъяну нормы.

Примечания

- ¹ Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М.: МЗ-Пресс, 2002.
- ² Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: «Лекс-Книга», 2002. С. 47 – 48.
- ³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Вестник ВАС РФ. 2009. № 2.
- ⁶ Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
- ⁷ Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М.: МЗ-Пресс, 2002. С. 43.
- ⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
- ⁹ Курс уголовного права. Особенная часть. Том 5. Учебник для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 91 – 92.
- ¹⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2009.
- ¹¹ Российская газета. 2013. 2 июля. С. 19.
- ¹² Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
- ¹³ Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 54.
- ¹⁴ Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М.: МЗ-Пресс, 2002. С. 109.
- ¹⁵ См. например: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: «Статут», 2000; Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007; Яценко Т.С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. М.: «Статут», 2003; Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010 и др.